

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2020.91.12.007

Технологии «умного наблюдения» и социального рейтинга в сфере государственного управления

Косоруков Артем Андреевич

Старший преподаватель
кафедра политического анализа,
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: kosorukovmsu@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32011

Аннотация

Предметом исследования в статье выступают технологии "умного наблюдения", позволяющие при помощи системы социального рейтинга повысить эффективность государственного управления и качество принимаемых государственных решений. Опираясь на зарубежный опыт, автор рассматривает сущность "умного наблюдения", специфику разработки и внедрения социального рейтинга в современном КНР и перспективы ее развертывания в Российской Федерации. Одним из важнейших аспектов предмета исследования выступают инновационные управленческие решения на базе системы социального рейтинга, включая дифференцированную балльную систему оценки граждан (AAA, AA, B, C, D), а также подробный административный инструментарий социальных поощрений и ограничений. Методология исследования включает в себя политико-административный и аналитический методы, раскрывающие особенности внедрения технологий "умного наблюдения" и социального рейтинга в эпоху цифровизации государственного управления. Новизна исследования заключается в интеграции управленческих и технических возможностей "умного наблюдения" в рамках системы социального рейтинга, начиная с системы умных видеочкамер и датчиков городской инфраструктуры и заканчивая интеграцией государственных, общественных и онлайн-данных, ведомственных информационных систем, создания на уровне больших данных цифрового профиля каждого гражданина.

Для цитирования в научных исследованиях

Косоруков А.А. Технологии «умного наблюдения» и социального рейтинга в сфере государственного управления // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 5А. С. 56-64. DOI: 10.34670/AR.2020.91.12.007

Ключевые слова

«Умное наблюдение», социальный рейтинг, умный город, цифровые данные, городская инфраструктура, цифровой контроль.

Введение

На современном этапе общественного развития цифровая трансформация может рассматриваться как новый мегатренд, способствующий парадигмальному переосмыслению природы государственного управления, публичной политики [Сморгунов, 2018] и демократии [Наде, 2015], которые оказываются все более опосредованными миром цифровых технологий и все менее привязаны к непосредственной коммуникации человека с человеком. Все большее количество государств принимает и реализует на практике стратегии цифровизации, сквозные технологии которых затрагивают различные отрасли управления, начиная с цифровой экономики и финансов и заканчивая цифровым государственным администрированием, построением умных городов и городских агломераций [Townsend, 2013].

Основная часть

Одним из ярких выражений цифровой трансформации общества и перехода государственных институтов к всеобъемлющей практике цифрового управления можно считать технологический инструментарий «умного наблюдения» и связанную с ним систему социального рейтинга граждан и организаций. Пространство современного города в значительной мере насыщено технологиями «умного наблюдения», под которыми следует поднимать цифровые платформы, обеспечивающие скоординированную работу систем видеонаблюдения, интегрированных с многочисленными датчиками городской инфраструктуры и мобильной электроники в рамках унифицированных программно-аппаратных решений, собирающих и обрабатывающих данные по городскому пассажиропотоку, передвижению частного и общественного транспорта, деятельности организаций культуры, образования и здравоохранения, торговли, ЖКХ, предприятий строительной отрасли и др. При этом полученные массивы больших данных поступают и совместно используются в ведомственных информационных системах, более того «умное наблюдение» позволяет в режиме реального времени проводить как пассивный, так и активный анализ поведения конкретного человека, включая кинесику и окулографию, оценивать его действия и социальные связи, присваивать определенный социальный рейтинг.

Под системой социального рейтинга понимают сложную программно-аппаратную систему, реализованную как в масштабе города, так и всей страны, позволяющую органам государственного и муниципального управления осуществлять наблюдение и контроль за каждым конкретным индивидом за счет формирования у него социально одобряемых и этически корректных поведенческих установок, используя как методы поощрений, так и методы наказаний, выражением которых является начисление или списание условных баллов. Система социального рейтинга, представляя собой прежде всего управленческий инструмент в руках государства, направленный на поощрение социально конструктивного и предупреждение социально деструктивного поведения (как с точки зрения формального закона, так и с точки зрения общих этических норм), опирается на технологии «умного наблюдения», включая системы распознавания лиц и поведения человека, контроля за передвижением транспортных средств, отслеживания банковских карт и транзакций, технологии искусственного интеллекта и анализа больших данных, данные ведомственных АИС и др. В результате, у каждого государственного ведомства есть доступ к общему значению социального рейтинга (в 40 городах Китая это +- от изначально присвоенных каждому жителю 1000 баллов), а также в той

части его расшифровки, которая касается полномочий данного ведомства или конкретного государственного служащего [Галиуллина, Бреслер, Сулейманов, Рабогошвили, Байрамгулова, 2018].

В основе расчета социального рейтинга, впервые анонсированного в Китае в 2013 году на базе разработок таких компаний как Alibaba, Tencent Credit и др., лежат алгоритмы, учитывающие данные трех основных источников: государственные данные, общественные данные и онлайн-данные.

Государственные данные в КНР учитывают наличие или отсутствие у гражданина задолженностей по оплате налогов или погашению кредитов, квитанций за услуги ЖКХ, иных счетов, назначенных государственными органами власти, например, различные выплаты по исполнительным листам (решениям судов).

Общественные данные в современном Китае собираются благодаря развитой инфраструктуре умных видеокамер (к 2020 году в Китае планируют установить около 400 миллионов умных видеокамер [Буткевич, 2019]), цифровые данные которых позволяют проводить онлайн-аналитику соблюдения правил дорожного движения и оплаты проезда в общественном транспорте, правил поведения в общественных местах и местах отдыха, контролировать криминогенную обстановку, честность экзаменационных процедур в образовательных учреждениях и др.

Онлайн-данные формируются за счет анализа активности каждого человека в интернет-пространстве и его социальных связей с другими пользователями, достоверности и надежности той информации, которую пользователь размещает в сети, пересылает своим друзьям или лайкает, а также за счет изучения онлайн-привычек человека в сфере электронной коммерции (его фактической потребительской корзины). При этом, более трети данных, которые заложены в основу расчета социального рейтинга составляют кредитная история гражданина, наличие задолженностей по оплате счетов и налогов, четверть данных составляют финансовые возможности гражданина и статус кредитной карты, пятую часть рейтинга определяют на базе потребительской онлайн-активности и страны происхождения товара, оставшаяся пятая часть рейтинга формируется как сумма баллов за полученное образование, место жительства, профессию, семейный статус, представленность и активность в социальных медиа, социальный рейтинг «друзей».

На основе описанного алгоритма единая цифровая платформа КНР, созданная в течение 2014-2020 гг. под руководством Государственного комитета по развитию и реформам КНР, высчитывает социальный рейтинг (кредит) каждого жителя (с точностью 99,8%), выступающий своеобразным пропуском в мир социальных благ и услуг. Высокий социальный рейтинг позволяет человеку получать страховые премии, дает доступ в гостиницы класса люкс, позволяет пользоваться самолетами и высокоскоростными поездами, определяет размер и ставку доступного банковского кредита, возможность получать интернет-услуги, работать на финансируемых из государственного бюджета рабочих местах. Как только социальный рейтинг снижается, например, в результате совершения административных правонарушений или закредитованности индивида и накопления просроченных платежей, человеку закрывается или ограничивается доступ к описанным выше услугам, ему также не разрешается осуществлять поездки за границу, ему ограничивается доступ к получению образовательных услуг и стипендий, иных социальных услуг.

Следует отметить, что получение человеком того или иного балла социального рейтинга, который в КНР ранжируется по шкале «AAA, AA, B,C и D» (где AAA – наиболее

высокорейтинговая группа граждан) и носит динамичный характер, не ограничивает гражданские права человека и получение базового набора государственных услуг, но вынуждает каждого члена общества в большей мере соответствовать нормам социального общежития, мотивирует изменять свое поведение и стремиться к увеличению своего балла. Так, жители КНР, попадающие в группы AAA (более 1250 баллов) получают полный доступ к рынку труда, включая возможность занимать должности на государственной службе, могут свободно арендовать или приобретать объекты недвижимости, имеют возможность получать всю линейку банковских кредитов, в том числе, по сниженным процентным ставкам, приобретать льготные медицинские страховки и пользоваться повышенным уровнем обслуживания в медицинских учреждениях, получают возможность бесплатного посещения фитнес-центров, бесплатного доступа к услугам каршеринга, велошеринга и др. С другой стороны, попавшим в группу D (менее 599 баллов) придется столкнуться с социальной изоляцией, ограничениями и дополнительными проверками в процессе трудоустройства, распространенной практикой отказов при оформлении кредитов в любом банке страны, отсутствием возможности приобретать билеты на самолеты или высокоскоростные поезда и др.

Система социального рейтинга в КНР носит во многом дискриминационный характер, например, ограничивая возможность свободного выстраивания социальных связей с теми лицами, с которыми государство не рекомендует общаться на постоянной основе, например, с представителями группы D. Так, судебные приставы КНР получили возможность в режиме реального времени определять местонахождение лиц, не выполняющих решения суда или имеющих задолженности по исполнительным листам, передавать эти данные полиции для дальнейшего наблюдения и контроля, а также при помощи умных видеокамер отслеживать социальные контакты должников. Таким образом, данные лица находятся под постоянным контролем, включая отслеживание отклонений от привычных маршрутов передвижения по городу, а общение с ними приводит к снижению социального рейтинга того конкретного индивида, который, пообщавшись с ними и заметив снижение своего рейтинга, в следующий раз уже будет стараться избегать подобных контактов. Несмотря на то, что система социального рейтинга позволяет государству при помощи инструментов «умного наблюдения» вторгаться в сферу социальной и частной жизни индивида, более 80% граждан КНР одобряют ее использование, причем чем выше уровень образования и благосостояния, тем больше процент поддержки (что вполне объяснимо желанием сохранить свой статус за счет следования правилам и демонстрации лояльности). Социальное ранжирование и коллективный контроль над личностью вполне соответствуют традиционным конфуцианским представлениям об ответственности государства перед своими гражданами, когда государство в рамках ролевой модели отца должно заботиться о своих детях. Вместо активизации дискурса о защите цифровых прав человека, включая защиту персональных данных, в цифровизируемом китайском обществе все еще распространены традиционные представления об обществе, состоящем из микроячеек - общин, выступающих инструментами контроля над каждым человеком (до 1949 г. в Китае многие столетия существовала система «баодзя» - система взаимного наблюдения и контроля жителей деревни или района города друг за другом под руководством старосты, который наблюдал за умонастроениями жителей, выявлял правонарушения, проводил подушевую опись семей и осуществлял сбор налогов, контролировал миграцию населения).

Технологии «умного наблюдения» и социального рейтинга в качестве инструмента цифрового государственного управления могут в перспективе сместить центр принятия

решений от человека в область искусственного интеллекта, обучающегося работать со все возрастающим объемом данных при помощи нейронных сетей и машинного обучения. Во многом этому будет способствовать необходимость постоянного «умного наблюдения» за миллионами граждан и вычисления их социального рейтинга (в целях поддержания достигнутого уровня безопасности и комфорта), отмена которого станет практически невозможной, так как на ней будет основана социальная стабильность и предсказуемость общественного развития, социальный мир.

Технологии «умного наблюдения» получают широкое распространение в современном мире, все больше государств учитывают их в стратегиях цифровой трансформации и выделяют на их реализацию значительные бюджеты. Несмотря на то, что китайский опыт умного наблюдения и социального рейтингования осуждается многими правозащитниками и активистами, ряд стран, например, Канада, Люксембург и Сингапур учитывают социальный рейтинг граждан КНР при выдаче виз по упрощенной программе, другие страны, включая Республику Корея, ОАЭ, Бразилию, Мексику – задумываются над этим и готовятся к заимствованию китайского опыта.

Российское правительство начинает активно применять технологии «умного наблюдения», стремясь усилить возможности государства по видеонаблюдению и аналитике больших данных, позволяющих качественно повысить эффективность государственного управления. Несмотря на то, что в Москве усилиями Департамента информационных технологий система «умного наблюдения», насчитывающая более 200 тысяч видеокамер, связанных на платформе Единого центра хранения и обработки данных, действует с 2017 года, на федеральном уровне нет видения того, каким будет общегосударственная система «умного наблюдения» и как быстро удастся преодолеть существенный разрыв в уровне цифровизации регионов. Более того, в обществе существует серьезная оппозиция в отношении самой возможности осуществления сбора данных, предоставления к ним общедоступного доступа, надежности их хранения и обработки (практической реализации «закона Яровой»). Однако, общероссийским вектором применения данных технологий уже сейчас становится сфера правоохранительной деятельности, где «умное наблюдение» только в одной Москве в 2019 году позволило раскрыть более 4300 тяжких и особо тяжких преступлений, выявить более 208000 нарушений в сфере благоустройства города.

В Российской Федерации, несмотря на предметное исследование китайского опыта и повышения технологичности городской инфраструктуры на стыке федеральных проектов «Умный город» и «Цифровое государственное управление», пока не приступали к непосредственному созданию системы социального рейтинга как в нормативно-правовом аспекте, так и в техническом исполнении. Во многом это связано с отсутствием административного и общественного консенсуса по данному вопросу, когда и политическое руководство страны, и лидеры общественного мнения, и большинство граждан не одобряют столько радикальной технологической трансформации социума и видят в ней угрозу сложившемуся социально-политическому порядку, способную разрушить сложившийся за последние два десятилетия «общественный договор» между обществом и государством – в преимущественно аналоговую эпоху государственного управления. Усилия государства в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» [Глушко, 2019] в большей степени направлены на интеграцию более 800 государственных реестров и баз данных и создание на их основе Национальной системы управления данными, которая в перспективе может стать технической основой российской системы рейтинга. Проект цифровизации

городского хозяйства «Умный город» также скорее направлен на повышение общей конкурентоспособности российских городов, развитие технологичной городской и коммунальной инфраструктуры, создание комфортной сервисно-ориентированной городской среды, чем на внедрение инструментов умного наблюдения и социального рейтинга.

Однако, к настоящему времени российское общество уже может ощутить на себе новую реальность и новую нормальность (особенно в условиях вынужденной самоизоляции в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19), которая складывается на основе государственного или скорее корпоративного контроля над сетевым трафиком, цензурирования медиадискурса и масштабного сбора частных данных граждан. Создаваемый «золотой идеальный профиль» гражданина позволит государству уже с 2022 года получать и обрабатывать более 30 видов информации от 12 основных поставщиков данных, выстраивая на их основе модели семейных и социальных связей человека, его личного и семейного дохода, потребительских привычек, социально-политических взглядов и оценок. К 2020 году Федеральная налоговая служба России в сотрудничестве с банковским сектором уже получила техническую возможность сопоставлять официальные доходы гражданина и членов его семьи с поступающими на их банковские счета и карты финансовыми средствами, выявляя и сигнализируя об отклонениях (что особенно актуально в сфере предотвращения коррупции на государственной и муниципальной службе).

Ожидаемым направлением критики системы социального рейтинга стали критерии, лежащие в основе ее алгоритмов. Так, социальный рейтинг может вобрать в себя субъективный компонент оценивания граждан как со стороны государства, так и со стороны других граждан, став элементом преследования инакомыслящих, инструментом мести и буллинга (вместо повышения социальной честности, порядка и гармонии). Более того, в методологии расчёта рейтинга могут быть заложены политическая, экономическая, национально-территориальная, гендерная и иные дискриминационные оценки положения индивида в социальной структуре, искусственно усложняя представителям менее обеспеченных или политически лояльных групп населения возможность получения кредита, аренды жилья, автомобиля, свободного доступа к услугам образования, здравоохранения и др. Социальный рейтинг может фактически стать инструментом ограничения прав человека на основе заложенных в него критериев, усиливая, а не ограничивая сложившиеся в обществе элементы неравенства и дискриминации, затрудняя социальную поддержку уязвимым группам населения в масштабах всей страны. Без существенного гражданско-правового контроля государство, используя систему социального рейтинга, будет в состоянии де-факто отменить презумпцию невиновности и поражать людей в правах на основе субъективных шаблонов и заложенных в систему на программном уровне предрассудков. В итоге государство может перестать доверять своим гражданам и сделать программные алгоритмы социального рейтинга, обучаемые при помощи технологий искусственного интеллекта, безапелляционным критерием законности и социальной справедливости.

Заключение

Следует также учитывать вероятность сбоев и ошибок в работе системы социального рейтинга, ее подверженность внешним и внутренним кибератакам и взломам, в результате которых система может наказывать невиновных и поощрять непричастных. Например, в автоматическом режиме выписывать штрафы за пересечение улицы в неположенном месте тем

людям, рекламные изображения которых были размещены на общественном транспорте. Несмотря на то, что в корпоративном секторе давно созданы и успешно функционируют системы рейтинга клиентов и сотрудников, разработка и внедрение социального рейтинга в масштабах всего государства неизбежно столкнется с недостаточно развитой цифровой инфраструктурой и человеческим фактором. Вероятность внесения изменений в социальный рейтинг в результате коррупционного правонарушения может нивелировать его значение в глазах населения, а возможность вывода части граждан, включая представителей политико-административной элиты, из фактической и юридической зоны действия технологий умного наблюдения, может усугубить социально-политический раскол между государством и обществом.

Библиография:

1. Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие: Коллективная монография / Под ред. Л. В. Сморгунова. — М.: Аспект Пресс, 2018. — 384 с.
2. Naque A. Surveillance, Transparency and Democracy: Public Administration in the Information Age. University Alabama Press, 2015. — 176 p.
3. Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность // <https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178006122/Цифровая%20трансформация.pdf> (дата обращения: 02.09.2020).
4. Townsend A. Smart Cities: Big Data, Civic Hackers, and the Quest for a New Utopia. W.W. Norton & Company, 2013. — 400 p.
5. Государство как платформа: люди и технологии // <https://files.data-economy.ru/Docs/GovPlatform2019.pdf> (дата обращения: 02.09.2020).
6. Галиуллина С.Д., Бреслер М.Г., Сулейманов А.Р., Рабогошвили А.А., Байрамгулова Н.Н. Система социального кредитования в Китае как элемент цифрового будущего // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика, 2018. - № 4. — С. 114-120.
7. Буткевич С.А. Система социального кредита в Китайской Народной Республике в зеркале криминологии // Вестник Уральского юридического института МВД России, 2019. - № 1. - С.113.
8. План развития системы социального кредита в КНР (2014-2020 гг.) // http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm (дата обращения: 02.09.2020).
9. Базовые и дополнительные требования к умным города (стандарт «Умный город») // <https://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/74f/Standart.pdf> (дата обращения: 02.09.2020).
10. Федеральный закон от 06.07.2016 N 374-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности" {КонсультантПлюс} // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=201078&fld=134&dst=100132&rnd=214990.3492213126493249�> (дата обращения: 02.09.2020).
11. Федеральный закон от 06.07.2016 N 375-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности" {КонсультантПлюс} // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=201087&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.61633579373558#0542175377633334> (дата обращения: 02.09.2020).
12. Паспорт ведомственного проекта Цифровизации городского хозяйства «Умный город» // <https://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/ecf/Pasport-proekta-umnyu-gorod.pdf> (дата обращения: 02.09.2020).
13. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» // <https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie.pdf> (дата обращения: 02.09.2020).
14. Глушко Е.К. Цифровое государственное управление. — М.: ТЕИС, 2019.
15. О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/759897-7> (дата обращения: 02.09.2020).
16. Facial recognition camera catches top businesswoman "jaywalking" because her face was on a bus // <https://www.abacusnews.com/digital-life/facial-recognition-camera-catches-top-businesswoman-jaywalking-because-her-face-was-bus/article/2174508> (дата обращения: 02.09.2020).

The technology of "smart surveillance" and social ranking in the field of public administration

Artem A. Kosorukov

Senior Lecturer at
Department of political analysis,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: kosorukovmsu@mail.ru

Abstract

The subject of research in the article is the technology of "smart surveillance", which allows using the social rating system to improve the efficiency of public administration and the quality of government decisions. Based on foreign experience, the author examines the essence of "smart surveillance", the specifics of the development and implementation of social rating in contemporary People's Republic of China, and the prospects for its deployment in Russian Federation. One of the most important aspects of the research subject is innovative management solutions based on the social rating system, including a differentiated point system for evaluating citizens (AAA, AA, B, C, D), as well as detailed administrative tools for social incentives and restrictions. The research methodology includes political-administrative and analytical methods that reveal the features of the introduction of "smart surveillance" and social rating technologies in the era of digitalization of public administration. The novelty of the research lies in the integration of management and technical capabilities of "smart surveillance" within the social rating system, starting with the system of smart video cameras and sensors of urban infrastructure and ending with the integration of state, public and online data, departmental information systems, creating a digital profile of each citizen at the big data level.

For citation

Kosorukov A.A. (2020) Tekhnologii «umnogo nablyudeniya» i sotsial'nogo reitinga v sfere gosudarstvennogo upravleniya [The technology of "smart surveillance" and social ranking in the field of public administration]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 9 (5A), pp. 56-64. DOI: 10.34670/AR.2020.91.12.007

Key words

"Smart surveillance", social rating, smart city, digital data, urban infrastructure, digital control.

References

1. Public policy: Institutions, digitalization, development: Collective monograph / Edited by L. V. Smorgunov, Moscow: Aspect Press, 2018, 384 p.
2. HAK A. supervision, transparency and democracy: Public administration in the information age. University Of Alabama Press, 2015 - - 176 P.
3. Digital transformation of public administration: Myths and reality. <https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178006122/Цифровая%20transformation.pdf> (accessed 02.09.2020).
4. Townsend A. Smart cities: big data, civil hackers and the search for a new utopia // W. W. Norton & Company, 2013 - - 400 P.

5. the State as a platform: People and technologies. <https://files.data-economy.ru/Docs/GovPlatform2019.pdf>
6. Galiullina S. D., Bresler M. G., Suleymanov A. R., Rabogoshvili A. A., Bayramgulova N. N. the System of social crediting in China as an element of the digital future. Science, education, Economics. Series economy, 2018. - No. 4. – S. 114-120.
7. Butkevich S. A. the System of social credit in China in the mirror of criminology // Herald of Ural juridical Institute of MIA of Russia, 2019. - No. 1. - P. 113.
8. Plan for the development of the social credit system in China (2014-2020) // http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm (accessed: 02.09.2020).
9. Basic and additional requirements for smart cities (Smart city standard) // <https://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/74f/Standart.pdf> (accessed 02.09.2020).
10. Federal law No. 374-FZ of 06.07.2016 " on amendments to the Federal law "on countering terrorism" and certain legislative acts of the Russian Federation regarding the establishment of additional measures to counter terrorism and ensure public safety" {ConsultantPlus} // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=201078&fld=134&dst=100132&rnd=214990.3492213126493249�> (accessed 02.09.2020).
11. Federal law No. 375-FZ of 06.07.2016 "on amendments to the criminal code of the Russian Federation and the code of Criminal procedure of the Russian Federation regarding the establishment of additional measures to counter terrorism and ensure public safety" {ConsultantPlus} // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=201087&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.61633579373558#0542175377633334> (accessed 02.09.2020).
12. Passport of the departmental project of digitalization of urban economy "Smart city" // <https://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/ecf/Pasport-proekta-umnyy-gorod.pdf> (accessed: 02.09.2020).
13. Passport of the Federal project "Digital public administration" // <https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federal-nogo-proekta-tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie.pdf> (accessed: 02.09.2020).
14. Glushko E. K. Digital state management. - Moscow: TEIs, 2019.
15. on the unified Federal information register containing information on the population of the Russian Federation // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/759897-7> (accessed: 02.09.2020).
16. the face recognition camera catches a top businesswoman "walking down the street" because her face was on the bus // <https://www.abacusnews.com/digital-life/facial-recognition-camera-catches-top-businesswoman-jaywalking-because-her-face-was-bus/article/2174508> (accessed 02.09.2020).